

Н.К. Улитина

Самарская международная школа, г. Самара

ЭТАПЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ STAGES OF LANGUAGE UNIT FORMATION

Ключевые слова: фразообразование, порождающая модель, языковая устойчивость, языковая / речевая единица, троп, жанровый канон

Keywords: idiom formation, generative model, language stability, language / speech unit, trope, genre canon

Прежде чем обратиться к теме, обозначенной в заглавии статьи, следует уточнить, что имеется в виду под языковой единицей и чем она отличается от речевой единицы.

Как убедительно показано в работе (Савицкий, Кулаева, 2004), между корпусом речевых единиц и корпусом языковых единиц нет резкой границы. Принадлежность к тому или иному из корпусов определяется степенью устойчивости единицы.

Всякая единица возникает по порождающей модели как неустойчивое (речевое) образование. Иными словами, генеративная модель порождает произведения речи, а не языка. Языковыми они становятся на дальнейшем этапе, если обретают устойчивость достаточно высокую, чтобы войти в систему языка на правах его единиц.

Таким образом, язык пополняется из речевого источника. Устойчивые единицы созданы по тем же моделям, что и неустойчивые. Например, такие названия, как *rocketship* (букв. 'ракетокорабль'), *starship / astroship* (букв. 'звездокорабль'), *cosmoship / spaceship* (букв. 'космокорабль'), являются продуктами работы одной и той же словообразовательной модели *Rship*, в которой первый элемент (переменная *R-*) означает тот или иной объект, связанный с космосом, а второй элемент (*-ship* 'корабль') является константой. На заре космонавтики эти названия предлагались в качестве названий средства передвижения в космическом пространстве. Однако лишь одно из них – *spaceship* – в результате конкурентной борьбы обрело устойчивость и закрепилось в английском языке в качестве его единицы.

То же касается и фразеологизмов. Фразеобразовательная модель порождает речевые фразовые тропы, которые соответствуют жанровому канону фразеологии и являются «заготовками» для фразеологизмов. А.В. Кунин называл их потенциальными фразеологизмами. Он писал: «Потенциальный фразеологизм может стать единицей языка только в том случае, если он перестанет быть «частной собственностью» и станет «общественной собственностью», регулярно воспроизводимым образованием в речи всего населения или части его, получая таким образом социальную апробацию. Этот процесс осуществляется благодаря использованию оборота в многочисленных контекстах» (Кунин, 1986: 44 – 45).

По существу, эта «социальная апробация» и есть фразообразование. По модели порождается не фразеологизм, а речевой троп с соответствующими структурно-семантическими характеристиками, а фразеологизм возникает из этого тропа на последующем этапе – на этапе появления у данного тропа устойчивости и ее постепенного роста. Языковой коллектив «голосует» за удачный троп, всё чаще и шире употребляя его в речи и тем самым увеличивая степень его устойчивости, которая, в свою очередь, помогает закреплению тропа в языке на правах его единицы.

Это происходит далеко не со всеми потенциальными фразеологизмами. В речи наблюдается большое количество окказиональных тропов, по своим свойствам более или менее соответствующих фразеологическому жанровому канону, но не являющихся языковыми единицами. Например:

He wanted *to scale mountains*. Yet for the next few weeks he was presented by a series of insignificant molehills (A. Cronin. The Citadel. Chapter 8).

Он жаждал *штурмовать горы*, но в последующие несколько недель ему попадались всё только жалкие кочки (А. Кронин. Цитадель. Глава 8).

Оборот, выделенный курсивом, не зафиксирован в словарях в качестве фразеологизма. Это речевая метафора – пожалуй, избитая, но всё же не достигающая той степени устойчивости, которая достаточна, чтобы считать ее единицей языка (здесь мы опираемся на авторитет лексикографов).

Таким образом, образование фразеологизма – это не результат работы фразообразовательной модели, а результат последующих процессов – фильтрации и «конкурсного отбора», которому подвергается речевой троп в ходе его обкатки в речевом общении носителей языка. Соответствующая модель может быть названа фразообразовательной лишь *post factum* – не потому, что она порождает непосредственно фразеологизмы, а потому, что тропы, впоследствии ставшие фразеологизмами, порождены ею.

Фразеологизмами становятся лишь те тропы, которые, во-первых, удовлетворяют имеющуюся коммуникативную потребность языкового коллектива в образном средстве выражения того или иного концепта, а во-вторых, в наибольшей степени отвечают требованиям упоминавшегося выше жанрового канона фразеологии. Рассмотрим, например, авторские тропы:

A great brain and a huge organization have been turned to the extinction of one man. It is crushing the nut with the triphammer – an absurd extravagance of energy– but the nut is very effectually crushed all the same (A. Conan Doyle. The Valley of Fear. Part II. Chapter 7).

Великий ум и огромная организация были направлены на уничтожение одного человека. Это было всё равно что колоть орех паровым молотом – несоразмерная трата сил – но, так или иначе, орех был весьма эффективно сокрушён (А. Конан Дойл. Долина страха. Часть 2. Глава 7).

Don't make tragedies of trifles, // Don't shoot butterflies with rifles (W.S.Gilbert. H.M.S. Pinafore. Lyrics. Act 1).

Букв. «Не делайте трагедий из пустяков, не стреляйте в бабочек из винтовок». (У. Гилберт. Корабль Его Величества 'Пинафор'. Либретто. Акт 1).

Хотя приведенные авторские тропы созданы по той же модели, что и фразеологизмы *to use a musket to kill a butterfly* (букв. 'применять мушкет, чтобы убить бабочку'), *to crush a butterfly on the wheel* (букв. 'колесовать бабочку'), им не хватило каких-то качеств, чтобы стать фразеологизмами.

Во-первых, вероятно, они воспринимаются как избыточные синонимы к уже имеющимся фразеологизмам с данным типовым значением, а во-вторых, возможно, они не вполне отвечают требованиям просодии и фоносемантики, которые предъявляет к фразеологизмам жанровый канон. В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов и фактор судьбы, описанный, в частности, в трактате польского философа С. Лема «Философия случая» (2007) в применении к литературным произведениям: по законам социокультурной динамики, до сих пор не до конца изведанным, одни произведения со временем достигают пика популярности, а другие остаются в неизвестности вследствие того или иного стечения обстоятельств, причем в этой области не прослеживается прямой корреляции паблисити с уровнем качества произведений; это и называется судьбой. «*Nabent sua fata libelli*», – гласит римская пословица. – «Книги имеют свою судьбу». Вполне вероятно, что это касается и малых форм – крылатых слов, афоризмов, пословиц и т.д., не исключая и фразеологизмы. Но, скорее всего, фактор «везения» (стечения культурно-исторических обстоятельств) не является ведущим. Первые два из этих факторов более значимы для вхождения речевого тропа в язык.

В нижеследующем отрывке из уже цитировавшегося нами либретто комической оперы У.Гилберта и А.Салливена перемешаны фразовые тропы разной степени устойчивости:

Things are seldom what they seem, Skim milk masquerades as cream; Highlows pass as patent leathers; Jackdaws strut in peacock's feathers.	Вещи редко таковы, как кажутся: Обрат притворяется сливками, Кирза сходит за модные туфельки, Вороны гуляют в павлиньих перьях.
Black sheep dwell in every fold; All that glitters is not gold; Storks turn out to be but logs; Bulls are but inflated frogs.	Черные овцы есть в каждом стаде, Не всё то золото, что блестит, Аисты оказываются лишь чурбанами, А быки – раздувшимися лягушками.
Drops the wind and stops the mill; Turbot is ambitious brill; Gild the farthing if you will, Yet it is a farthing still.	Стихнет ветер – встанет мельница; Палтус – возомнившая о себе килька; Позолоти грош, если хочешь, Но он всё равно останется грошом.

Оборот *Skim milk masquerades as cream* является речевым тропом; оборот

Black sheep dwell in every fold – речевой трансформой пословицы *There is a black sheep in every flock*; оборот *All that glitters is not gold* – канонической формой пословицы. Как видим, они обладают неодинаковой устойчивостью, но все они передают одну и ту же идею обесценивания.

Не только в художественной, но и в обыденной речи можно вперемешку встретить неустойчивые (речевые), системно-устойчивые (языковые) и нормативно-устойчивые (речезыковые) обороты. При их употреблении наблюдается рост устойчивости: речевой оборот может стать нормативно-устойчивым (клишированным), а клишированный – системно-устойчивым (единицей языка), хотя этот путь проходят далеко не все обороты, а лишь наиболее удачные с точки зрения выполнения коммуникативных функций.

Создателем фразеологизма является, по существу, не индивидуальный, а коллективный интеллект, интеллект культурно-языковой группы, который действует по эвристическому алгоритму, заложенному в жанровом каноне фразеологии. Индивидуальный коммуникант (по Маяковскому, «подмастерье народа-языкотворца») создает лишь первичную заготовку – потенциальный фразеологизм – а далее коллектив «обкатывает» ее по канону жанра, пока она не приобретает форму, пригодную для вхождения в язык. В такой форме она представляет собой «речение, // В котором все слова притерты, // Пригнаны и сплавлены // Умом и терпугом, паялом и терпеньем» (Волошин, 2007: 63).

Порождающие модели фразеологизмов существуют в коммуникативных пространствах, служащих своего рода «питательной средой» образования фразеологизмов. Широко известны особо креативные культурные регионы – Ливерпуль в Англии, Абердин в Шотландии, Ньюфаундленд в Канаде, Габрово в Болгарии, Одесса на Украине и т.д. – из которых исходит множество шуток, анекдотов, остроумных речений, афоризмов, присказок и других малых фольклорных форм, а также фразеологизмов. Каждый из этих жанров характеризуется собственным канонами. Упомянутые каноны «витают в воздухе» коммуникативного пространства, стимулируя творческий процесс. Но малые фольклорные формы возникают и в других культурных регионах, не столь ярко демонстрирующих устное народное творчество.

Итак, цикл фразеологизма состоит из ряда этапов: 1) индивидуальное создание речевого тропа по жанровому канону фразеологии; 2) его редактирование культурно-языковым коллективом; 3) рост частотности и расширение региона его речевого употребления; 4) обретение нормативно-речевой, а затем – системно-языковой устойчивости; 5) фиксация в языковой компетенции лингвокультурного коллектива; 6) фиксация в словарях на правах единицы языка.

В речи встречается масса единиц, находящихся на разных стадиях этого процесса. Большинство из них так никогда и не «доберутся до финиша». Несомненными фразеологизмами можно считать лишь те из них,

которые дошли по меньшей мере до пятого этапа. Дело состоит в том, что не все функционирующие в речи фразеологизмы фиксируются в словарях – до многих из них у фразеографов «не доходят руки».

Во фразеологической литературе бытует своего рода «миф», согласно которому фразеологизмы создавались в основном в давние периоды эволюции языка. В порядке подтверждения приводятся примеры из фразеологических словарей, в которых использованы фразеологизмы старинного происхождения. Логика этого «мифа» заставляет сделать вывод о том, что языки, активно развиваясь, скажем, в сфере словообразования, в сфере фразеобразования почему-то резко замедлили свое развитие. Но, на наш взгляд, для такого вывода нет оснований.

На наш взгляд, этот «миф» возник именно вследствие того, что фразеологи черпают эмпирический материал из словарей, а он, в свою очередь, подбирался составителями словарей главным образом из классики художественной литературы как из наиболее авторитетного источника; об этом свидетельствуют текстовые примеры употребления фразеологизмов, приводимые в словарях. Исключение составляют разве что словари сленга и коллоквиализмов с их более новым языковым материалом. Классика же, при всех ее художественных достоинствах и авторитетности, – старый языковой материал. Отсюда, по-видимому, и проистек вышеупомянутый «миф».

На самом деле в современной речи, и отнюдь не только художественной, наблюдается большое количество единиц, в той или иной (в том числе полной) мере отвечающих критериям фразеологичности: 1) устойчивость; раздельнооформленность; 2) наличие переносного значения.

Многие из таких оборотов уже признаны несомненными фразеологизмами, о чем свидетельствует их зафиксированность в словарях; но существует также большое количество оборотов, не признанных фразеологизмами «de jure», но являющихся таковыми de facto.

Чтобы «официально» признать их фразеологизмами, нужно установить контрольную цифру частотности их употребления, свидетельствующую об их системно-языковой устойчивости, а затем провести корпусный анализ каждого из «кандидатов» во фразеологизмы. После этого можно вносить обороты, успешно прошедшие «конкурс», во фразеологические словари.

Такая работа действительно проводится (в частности, в рамках создания машинных фондов языков), однако, вероятно, пока еще в недостаточном объеме. В противном случае стало бы ясно, что процесс фразеобразования активно продолжается на современном этапе развития языков, и упомянутый «миф» прекратил бы свое существование.

Резюмируя всё сказанное выше, подчеркнем еще раз: то, что чаще всего называют образованием фразеологизма – создание тропа по фразеоканону – на самом деле представляет собой лишь начальный этап генеративного цикла. Фразеологизм как устойчивая языковая единица возникает на последующих этапах этого цикла, и создается он не отдельным субъектом, а культурно-языковым коллективом.

Литература

1. Волошин М.А. Подмастерье // Избранное. - М.: Росток, 2007. - С. 63 – 64.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. - М: Высшая школа, 1986. - 336 с.
3. Лем С. Философия случая. - М.: АСТ, 2007. - 767 с.
4. Савицкий В.М., Кулаева О.А. Концепция лингвистического континуума. - Самара: Научно-технический центр, 2004. - 178 с.

Источники текстовых примеров

1. Cronin A. The Citadel. - London: McMillan Publishers Ltd., 2013. - 432 p.
2. Doyle A.C. The Valley of Fear. - London: Hard Case Crime, 2010. - 224 p.
3. Gilbert W.S., Sullivan A. HMS Pinafore. Lyrics. – US: Dover Publications Inc., 2009. - 288 p.

(0,4 п.л.)